

В.Н. Житова¹

Воспоминания о семье И.С. Тургенева

Воспоминания мои о семействе Тургенева начинаются с 1838 года — года отъезда Ивана Сергеевича в Берлин. Некоторые события из этой эпохи особенно врезались в моей детской памяти. <...>

Гнет крепостного права, в особенности тяготевший в доме его матери, скорбно отзывался в душе столь известного по доброте своей Ивана Сергеевича, и ему было тем тяжелее, что бороться он отнюдь не мог. Доброта его, однако, иногда и без всякой борьбы подчиняла волю даже и Варвары Петровны. При нем она была совсем иная, и потому в его присутствии все отдыхало, все жило. Его редких посещений ждали, как блага. При нем мать не только не измышляла какой-нибудь вины за кем-либо, но даже и к настоящей вине относилась снисходительнее; она добродушествовала как бы ради того, чтобы заметить выражение удовольствия на лице сына. И какой это был нежный и любящий сын в тот год, как я начала его помнить! <...>

Охлаждение Ивана Сергеевича к матери совершилось позже, постепенно. Да и охлаждением этого назвать нельзя — он удалился только от нее. Борьба была невозможна, она повела бы к худшему, а видеть и молчать было слишком тяжело для его доброго сердца. <...>

Вступление Ивана Сергеевича на литературное поприще весьма не нравилось Варваре Петровне.

По этому поводу происходили между матерью и сыном частые разговоры. <...>

— А я так постичь не могу, — почти с презрением начала Варвара Петровна, — какая тебе охота быть писателем? Дворянское ли это дело. <...> Дворянин должен служить и составить себе карьеру и имя службой, а не бумагомаранием. <...>

Перед отъездом Ивана Сергеевича за границу, в 1846 году, в Москву приезжала г-жа Виардо. Она давала концерт.

Варвара Петровна знала уже о привязанности сына к семейству Виардо и, конечно, не любила его, но слушать артистку поехала. Концерт был утренний. Приехав домой, она очень рассердилась за то, что Иван Сергеевич к обеду не вернулся. Сидела она все время насупившись и не произнесла ни слова. К концу обеда она сердито стукнула ножом по столу и, будто сама с собою говоря, ни к кому не относясь, сказала:

— А надо признаться, хорошо проклятая цыганка поет! <...>

В одном из его последних разговоров с матерью мне невольно пришлось участвовать. <...>

— Не знаю, о чем ты говоришь, — услышала я, взойдя в смежную комнату, голос Варвары Петровны в разговоре, начатом уже до моего прихода, — не понимаю. Моим ли людям плохо жить? Чего им еще? Кормлены прекрасно, обуты, одеты да еще жалованье получают. Скажи ты мне, у многих ли крепостные на жалованье? <...>

— Слушай, маман, можешь ты вот сейчас, сию минуту, — все больше и больше горячился Иван Сергеевич, — можешь ты любого ну хоть на поселение отправить?

— Разумеется, могу.

— Ну, я про что же говорю — можешь?

— Заслужит — сошлю.

— А не заслужит? Так, по своему одному капризу тоже можешь?

— Конечно, могу.

¹ Житова (Богданович-Лутовинова) В.Н. (1833–1900) — родственница-«воспитанница» в семье Тургеневых. Ее воспоминания относятся к 1838–1850.

— Вот тебе и доказательство того, что я всегда тебе говорю. Они не люди, они — вещь!

— Что же, по-твоему, их на волю отпустить?

— Нет, зачем? Я этого и не говорю, на это еще время не пришло.

— И не придет, – решила Варвара Петровна.

— Нет, придет, и непременно придет, – запальчиво и несколько визгливым голосом (когда горячился) почти вскрикнул Иван Сергеевич и быстро заходил по комнате.

— Сядь, ты меня беспокоишь своей ходьбой, – уняла его мать. – Моим людям дурно, – почти обиженно продолжала она. – От кого ты это слышал? Да разве без страха с ними можно?

— Можно, и многое, все можно. Неужели ты, при своем тонком понимании людей, не предполагаешь в них ни любви, ни привязанности, ни чувства? <...>